

ПОИСКИ НОВОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ

Брайан Массуми

ВООБРАЖАЯ ВИРТУАЛЬНОЕ*

Слово «виртуальное» вошло в обиход в 1990-х годах в качестве довеска к «реальности». Довесок перевесил: коннотацией была *нереальность*. В выражении «виртуальная реальность» прилагательное «виртуальный» выступало синонимом «искусственного». «Искусственный» означало в этом контексте «иллюзорный». Контекстом, конечно же, было драматичное преломление в массовом воображаемом того, что с приходом цифровой эпохи грядут огромные перемены. Первые осторожные шаги к созданию интерактивных, иммерсивных сред привели к преувеличенным опасениям – или, может быть, надеждам, – что сказочное «киберпространство» из футуристических романов 1980-х вот-вот вытеснит «настоящую» реальность. Мир поглотило бы его собственное хитроумное изобретение. Синтетическое воображаемое, одушевленное с помощью смоделированных событий, превратилось бы во всеохватную виртуальную среду обитания, сомнамбулическую Матрицу иллюзии жизни.

У слова «виртуальный», когда случилось его апокалипсическое пришествие в обывденный язык, уже была предыстория. Оно долгое время существовало как специальный термин в философии, где преобладала субстантивированная форма: *виртуальное*. Почти одновременно с внезапной популяризацией этого слова, в облике прилагательного, начались попытки доказать философскую силу виртуального. Эти попытки основывались в первую очередь на переоткрытии данного понятия в конце XX века Жилем Делёзом, работавшим в русле наследия Анри Бергсона¹. Как философское понятие «виртуальное» имеет самое прямое отношение к силе. Оно происходит от латинского слова, означающего силу или потенцию, и базовое определение виртуального в философии – это «потенциальная возможность» (*potentiality*). То, что есть потенциально, может возникнуть; а то, что произошло, до этого уже было в потенции. Тем самым, виртуальное следует понимать как *измерение* реальности, а не как ее иллюзорную противоположность или рукотворное преодоление. Виртуальное, будучи тесно связано с потенциальным, от-

* Печатается с любезного разрешения автора. – *Примеч. ред.*

¹ В менее отдаленном прошлом этот бергсоновский/делёзовский способ размышлять о виртуальном был скрещен с построениями Альфреда Норта Уайтхеда, в частности, с его понятием «чистой потенциальности» (См.: *Massumi B. Semblance and Event: Activist Philosophy and the Occurrent Arts. Cambridge (MA), 2011*). Все сказанное ниже несет на себе глубокую печать этого столкновения. Эпизодический соавтор Делёза Феликс Гваттари в своих сольных работах разрабатывает собственный взгляд на виртуальное, влияние которого здесь тоже весьма ощутимо, особенно в заключительных разделах. Основные работы по этой теме: *Bergson H. Matter and Memory / Transl. by Nancy Margaret Paul and W. Scott Palmer. N.Y., 2004*; *Deleuze G. Difference and Repetition. Translated by Paul Patton. N.Y., 1994*; *Deleuze G. Bergsonism / Transl. by Hugh Tomlinson and Barbara Habberjam. N.Y., 1990*; *Deleuze G. Cinema 2. The Time-Image / Transl. by Hugh Tomlinson and Robert Galeta. Minneapolis, 1989*; *Deleuze G. Cinema 1. The Movement-Image / Transl. by Hugh Tomlinson and Barbara Habberjam. Minneapolis, 1986*.

носится сугубо к *формообразующему* измерению реального. Оно относится к потенции в том, что есть, благодаря которой оно действительно начинает существовать. Другими словами, оно подразумевает *силу* существования: давление грядущего, претворение в жизнь. Виртуальное принадлежит к способности быть, подталкивая ко все новым формам, переходя в них и в них разрешаясь в веренице явлений. Для Делёза поэтому стоит вопрос не о «виртуальной реальности», а о *реальности виртуального*. Виртуальное вовсе не означает стерильную копию реального, напротив, оно есть ни много ни мало двигатель его непрерывного становления. Когда мы приписываем эту силу, движущую реальностью, виртуальному, это порождает головоломку, но, кроме того, открывает новую возможность.

Головоломка в том, что потенциальное никогда не появляется как таковое. Что появляется, так это то, чему потенциальное дает начало, т. е. именно то, что само не потенциально: его осуществление. Осуществление потенциального не похоже на само потенциальное: оно только что возникло, но полностью детерминировано, закрытое дело. Открытость претворения потенциального в жизнь перетекает в законченность претворенного. Потенциальное фактически исчезает в том, что детерминированным образом возникает из его движения. Оно отступает. И оно вновь возникает: оно исчезает в своем собственном осуществлении не раньше, чем вновь дает себя почувствовать в подталкивании к грядущему. Потенциальное абстрактно: никогда не присутствует как таковое. Оно в той же мере ускользает от настоящего, в какой содействует его формированию. Вопрос о реальности виртуального есть вопрос о *реальности абстрактного* как силы существования, которая сама по себе никогда не *есть*; как формирующего движения, лишённого собственной характерной формы. Но в каком тогда смысле можно говорить, что оно «дает себя почувствовать»? Делёз не случайно переоткрывает понятие виртуального, отталкиваясь от Бергсона, чья философия концентрировалась вокруг переосмысления восприятия. Виртуальное нельзя отделить от вопроса о восприятии. Если виртуальное реально по всем пунктам, тогда оно должно каким-то образом свидетельствовать о собственной силе. Ведь «реальное» как раз и определяется как то, что действительно меняет дело. То, что реально, реально *на деле*. Случившаяся перемена не может не быть явной, где-то, каким-то образом, в реальности, фактически. Но как некая абстрактная реальность появляется фактически? Как нечто, что по природе не может появиться, тем не менее на деле появляется? Каким путем недоступная восприятию сила виртуального все-таки действительно воспринимается?

Открывающаяся возможность состоит в том, что вопрос о виртуальном, когда он подобным образом соединяется с вопросом о восприятии, побуждает переосмыслить место абстракции в нашей жизни. Выходит, что нельзя попросту противопоставить абстрактное конкретности опыта или механически встроить его в рамки альтернативы искусственного и настоящего (реального), – как если бы у искусственного не было собственного модуса реальности. Непосредственным предметом становится не эпохальная битва между искусственным и настоящим, но скорее формирующие отношения между виртуальным и тем, что появляется на самом деле (*actually*). Проблемой становится отношение виртуального к *актуальному* как тому, что принадлежит восприятию. Этот вопрос адресуется естественному восприятию в той же мере, в какой и синтетическим образам и смоделированным событиям в рукотворной области, такой как цифровое пространство. Он заставляет задуматься о том, что в «естественном» восприятии мы, возможно, могли бы

найти не меньше искусственного, чем в реальности на дисплее. Отныне проблема восприятия уже не в том, как отличить истину от иллюзии, а в том, чтобы провести различия между модусами реальности в движении возникновения, посредством которого появляются формы опыта.

Ответ на вопрос о реальности виртуального – о том, как то, что абстрактно, появляется в действительности, – неизбежно останется таким же парадоксальным, как и сам вопрос. Если потенциальное – это то, что «вот-вот будет» или «уже осуществилось», «еще только грядет» или «только что прошло», то, как бы оно ни проявилось, оно всегда приходит *слишком рано* либо *слишком поздно* (возможно, даже то и другое сразу). По причине этой несвоевременности оно всегда попадает на пути как *слишком мало* или *слишком много*: избыточное по отношению к бытию актуального, чьей силой существования оно всегда будет продолжать оставаться.

Единственный способ продолжить рассуждение – привести пример, схватить виртуальное в действии, затем пристально посмотреть, как оно работает и, уже отталкиваясь от этого, заставить его парадокс работать в понятийном аппарате, чтобы понять, какие возможны изменения в том, как мы мыслим восприятие. Другими словами: реализовать виртуальное в мысли, исходя из опыта и ради такового, через пояснение примером.

Можно ли придумать лучшую отправную точку, чем такой тип примера, который выглядит наименее удобным: «оптические иллюзии». Уже само название не позволяет принимать то, что проявляется при данных условиях восприятия, за реальное. Возьмите классический случай треугольника Каннижа. В самом простом виде он состоит из трех черных кругов, в каждом из которых отсутствует сектор, превращая его в нечто похожее на фигурку Пакмана². Но не Пакманы приковывают ваше внимание. Способ, каким вырезанные секторы расположены друг относительно друга, подразумевает, что это три вершины треугольника. Что приковывает ваше внимание, так это то, что, хотя треугольник не очерчен никакими линиями, вы видите его так же ясно, как и Пакманов. Было бы недооценкой сказать, что треугольник «подразумевается». Вы не просто видите его – вы не можете его не видеть. Он столь ярко бросается в глаза, что отодвигает на задний план те фигуры, которые «действительно» изображены. Своим мерцанием он выделяется из их взаиморасположения и в итоге занимает центральное место. Вот в чем суть этого случая восприятия. Вот что придает этому опыту его неоспоримый характер.

Казалось бы, когда видят что-то, чего на самом деле нет, это можно справедливо назвать иллюзией. Но как вы назовете иллюзию, которую не можете *не* увидеть? И не только вы, но и любой, кто потрудится взглянуть? Как назвать иллюзию, которая упорно отказывается *не* появиться? Нечто такое, что бросается в глаза безоговорочно, определенно демонстрирует некую фактичность. По существу, треугольник появляется. И он меняет дело. Этим его фактическим появлением определяется наше восприятие и понимание данного опыта. Эта «иллюзия» твердо удовлетворяет всем критериям реального. Вопрос в том, что это за модус реальности, который мы, свидетели треугольников, которых нет, принимаем без оговорок?

Немедленный ответ: реальность *отношений*. Треугольник возникает из того, каким образом сходятся фигурки Пакманов, отделенные друг от друга именно так. Если бы фигурки были слишком близко или слишком далеко друг от друга, эффекта не получилось бы. Не был бы он достигнут и в том

² Распан – культовая японская видеоигра 1979 года. Игрок управляет существом, похожим на круг сыра с вырезанной долькой. – *Примеч. пер.*

случае, если бы фигурки были расположены относительно друг друга под другим уклоном. Таковы условия: критическое расстояние и необходимое взаиморасположение. Когда все три фигуры появляются с выполнением этих условий, появляется и треугольник, заполняя *расстояние* между ними.

В действительности фигуры разделены и остаются разделены. Никакие реальные линии ни в один момент их не соединяют. Они отделены друг от друга и таковыми остаются: их можно пересчитать по одной, но ни одна не подотчетна никакой другой. Они суть дизъюнктивная множественность, что у них общего, так это разделенность в их безразличности друг другу, они просто есть то, что они и есть, и там, где они есть в их индивидуальной пакманности. Все меняется, когда треугольник делает уголки их открытых ртов своими собственными углами. Фигуры незамедлительно образуют связь поверх своей разделенности, поскольку их *разделенность* выполнила определенные условия. Треугольник *вбирает* их все вместе в их отделенности в свою способность проявиться. Пакманы теперь совместно выступают как элементы, необходимые для возникновения треугольника. Они имеют значение для треугольника сообща. Но все так же на расстоянии. Благодаря тому, что они совместно имеют отношение к треугольнику, они удаленно (но на деле) имеют отношение друг к другу. Они имеют отношение друг к другу *через* него, *поверх* своей разделенности, и это – эффект их дизъюнктивной множественности. Получающийся треугольник *и есть* их отношение друг к другу. Он есть возникновение отношения между ними в видимой форме.

Треугольник есть становление возникающего отношения видимым – *бытие отношения*, выливающееся в нечто воспринимаемое. Фактическое видение этого бытия отношения не устраняет дизъюнктивной множественности элементов, обеспечивающей условия для того, чтобы оно появилось, и не противоречит ей. Оно добавляется к их множественности. Единство треугольника надстраивается над тем, что Пакманы представляют собой по отдельности, один за другим, каждый в своем отдельном углу. Итоговый треугольник – это единство, возникающее *из* многообразия его необходимых элементов. Он унитарно занимает их дизъюнктивный промежуток, делая расстояние между ними собственным местоположением.

Разумеется, было бы слишком искусственным представлять дело так, будто сначала были Пакманы, а затем, во второй момент, их разделенностью воспользовался треугольник, чтобы добавить к ним свое чужеродное единство. Треугольник и элементы, обуславливающие его появление, строго одновременны. Они одинаково безотлагательны. Они одинаково упорно не позволяют себя не увидеть. Но, разумеется, есть различие. Компанию Пакманов мы видим «на самом деле»: они соответствуют покрытым чернилами областям на странице или совокупности пикселей на экране, чье присутствие бьет в глаза отраженными лучами света³. Однако треугольник *per se* не соответствует никаким подобным приходящим чувственным сиг-

³ Хотя в оптике черное определяется как поглощение всех лучей света, в условиях реального мира полного поглощения не бывает. Если быть точным, «черного нечто цвета или белого, зависит от контраста в интенсивности света между смежными областями. ... Увеличение яркости окружения может сделать белую область серой или черной» (Thompson E. Colour Vision: A Study in Cognitive Science and the Philosophy of Perception. L., 2005. P. 46–47). Этот факт относительности восприятия имеет фундаментальное значение, но на данной стадии нашего рассмотрения он не столь существен, ведь здесь наше рабочее различие – это различие между теми эффектами восприятия, которые объективно можно привязать к оптической совокупности [пикселей], и тем, которые нельзя (ниже оно доведено до различия между «чувственным» и «нечувственным» восприятием).

налам. Как таковой он не соответствует никакому материальному присутствию. И все-таки он мерцает. Мы действительно видим треугольник, но видим его не «на самом деле». Он явлен нечувственно, избыточен по отношению к фактическим условиям своего появления. Он есть оптически реальный, виртуальный треугольник.

Подобный способ выражать различие между треугольником и его материальными условиями создает проблему со словарем. Если мы зовем что-то, что мы действительно видим, хотя и не «на самом деле», виртуальным, это звучит так, словно мы определяем виртуальное как *противоположность* актуального (фактического), тогда как мы только что установили, что в данном случае виртуальный эффект и фактические элементы, обуславливающие его появление, доходят до восприятия в один и тот же момент, в равной мере незамедлительно и с равным упорством дают увидеть себя в действительности. Изменение словаря решает эту проблему. Если использовать различие между *чувственным* и *нечувственным*⁴, становится проще сформулировать то, каким образом Пакманы и треугольник, посредством которого они соотносятся, в равной мере реальны в различных *модусах*. Соответствующим образом меняется и различие между актуальным и виртуальным.

У нас уже есть фундамент, на котором можно выстроить понимание того, чем различаются их модусы реальности: отдельные Пакманы как таковые фигурируют как дизъюнктивная множественность. Это означает, что мы можем брать их в расчет по одному, брать каждый отдельно от следующих в очереди, и это не скажется на том, чем мы их считаем. Каждый по-прежнему остается Пакманом. Дизъюнктивная множественность – это набор, собранный из отдельных членов, которые можно сосчитать один за другим. Они принимаются в расчет по одному. Вместе они скопление единиц. Треугольник же появляется как унитарная фигура, совершенно незамедлительно. Его нельзя сосчитать по частям. Он со всей безотлагательностью принимается в расчет как единое целое. Он есть *единичность*. Поскольку эта единичность не соответствует ничему вне ее самой на материальной плоскости, где элементы множеств могут рассматриваться как фигурирующие по отдельности, она, строго говоря, *не имеет частей*. Она *добавляется* как единство к многообразию обуславливающих ее элементов. Она есть целое вне этого многообразия, неповторимо занимающее дистанцию между элементами. Она уворачивается от их множественности, находя себе место именно там, где их *нет*. Да, у треугольника три стороны. Это неоспоримо. Просто пересчитайте их. Но: пересчитывая, вы уже не имеете дело напрямую с треугольником как унитарной фигурой во всей ее непосредственности. Вы имеете дело с набором линий, взятых по отдельности одна за другой. Вы не можете расчленить единство треугольника на составные части, не *изменив его природы*: не разложив его на множество, которого он не представляет в своей единичности и в безотлагательности своего фактического появления.

Есть модус реальности того, что исчислимо один за другим, а есть модус реальности того, что *числится как единое целое*. Эти модусы приходят вместе как совпадающие измерения одного и того же события опыта, с одинаковой незамедлительностью и упорством. Это упорное совпадение и есть наш *актуальный* опыт. А что мы на самом деле видим, так это связывание различных относящихся друг к другу модусов, выражающееся на деле в появлении унитарной формы, оказывающей единичное воздействие в качестве видимого бытия отношения. Это отношение и есть вбирание отделенных друг от друга

⁴ Ср.: Whitehead A.N. Adventures of Ideas. N.Y., 1967. P. 180–183.

элементов в возникающую форму. Что мы видим наиболее выпукло, так это итоговую форму. Выпуклость формы – результат совпадения различных модусов. Вместе с тем, это *их* отношение, сделанное видимым. Возникающий треугольник – это то, что неповторимым образом возникает из модального различия между дизъюнктивной множественностью и единичностью.

Теперь мы можем взять слово «актуальный» в его этимологическом значении: «в *действии*». Выпуклое единство треугольника и дизъюнктивная множественность условий его появления участвуют в акте восприятия. Они – конститутивные условия его протекания. Они в равной степени принадлежат к событию, которым является этот конкретный опыт. С этой точки зрения они – измерения актуального.

Такой ход может показаться контрпродуктивным. Теперь все выглядит так, будто виртуальное оказалось поглощено актуальным, тогда как задача была в том, чтобы отдать должное реальности различия между ними. Но все-таки есть прогресс. Теперь мы можем понять разницу между ними иначе, вернувшись к различию между чувственным и нечувственным. А именно, мы можем понять ее модально. Не как разницу между противоположными «пространствами». Не как разницу реального и нереального. Но как разные способы действительно принадлежать к одному и тому же *событию*: как разные способы быть в действии, между которыми на деле имеется отношение, приводящее к появлению выпуклой фигуры.

Разумеется, чувственные элементы события необходимо отсылают к пространству. То, что они исчислимы, означает, что на них можно указывать рукой по одному: «вон там». Последовательность счета соответствует последовательной прогрессии указывания на одно «вон там», потом на другое и т. д. Показательное «вон-там» исчисляемых элементов характеризует их как *проективное* пространство. Важно понимать, что не пространство проецируется, а скорее наш *счет* проецирует сам себя. Наша *деятельность* проецирует сама себя. Она осуществляется здесь, чтобы сосчитать то, что вон там. Протягиваясь отсюда туда, она есть *самодистанцирование*. Путем этого протяжения деятельности *образуется* «пространство» нашего опыта. «Пространство» взято в кавычки, потому что такое «пространство» конституировано не только простым-вон-там. Оно конституировано еще и последовательной *прогрессией*, которая требует времени. Другими словами, пространство опыта включает в себя фактор времени. Оно есть пространство-время опыта. То, что чувственно реально (т. е. реальность чего соответствует физическим соударениям с нашим телом, например – и это лишь один пример – попаданию света на сетчатку), принадлежит к некому проективному пространству-времени опыта, активно образуемому путем подсчета – или, если обобщить и подчеркнуть главное, *учитывания* – множественности разобщенных элементов⁵.

Сравните это с треугольником. Он бросается в глаза, минуя какое бы то ни было соответствующее физическое соударение с нашим глазом. Он умрачивается от множественности вовлеченных чувственных элементов, энер-

⁵ О счете, пространстве и опыте пространства-времени, а также отношении между множественностью и объединением см. *Bergson H. Time and Free Will: An Essay on the Immediate Data of Consciousness* / Transl. by F.L. Pogman. Mineola (N.Y.), 2001. P. 73–87. См. перевод на русский язык: *Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч. / Пер. с фр. М., 1992. Т. 1. С. 81–88.* Бергсон схватывает «протяжение» проективного пространства-времени фразой «предмет находится в том месте, где он воспринимается» (*Bergson H. Matter and Memory... P. 311*). См. перевод на русский язык: *Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 652.*

гично и совершенно незамедлительно предъявляя свое собственное неразложимое единство. Если мы попытаемся относиться к нему, как если бы он был «вон там» и имел тот же модус, что и Пакманы, и предпримем какие-то действия, чтобы его схватить, единичность его явления испарится. Например, если мы проследим его нечувственную форму, проведя пальцами вдоль одной стороны, а затем другой, мы заменим единичность треугольника набором линий, исчисляемых одна за другой. Мы приняли его в расчет, перенеся в другой модус существования, переведа его на язык фигур, которыми он не является. Обласкайте его взвешенными мыслями – и вы сделаете то же самое. Изучите его геометрию – тот же эффект.

Треугольник появляется исключительно как единичная фигура, которую он представляет собой как унитарный эффект выступления наружу – мгновенное ответвление от дизъюнктивной множественности обуславливающих его элементов. Чтобы переживать его таким, какой он есть, принимать его за то, что он есть, мы должны просто оставить все как есть. Что бы мы с ним ни сделали, это изменит его природу. В своей простоте он обладает какой-то удивительно захватывающей, мерцающей стерильностью. Он просто дан, *сверх* той дизъюнктивной множественности, которая чувственно обуславливает его появление, – как любого активно конституируемого пространства-времени учитывания этой множественности в опыте. То предстающее взору бытие отношения, которое он собой представляет, есть уклонение от чувственного опыта. Это целиком и полностью нечувственное явление – и ничто иное. Не имея чувственных коррелятов, оно подобно призраку. Это *чистое явление*. Но опять же слово «явление» используется здесь в сильном смысле: как то, что фактически является, несмотря ни на что. Треугольник является фактически, в изворотливом, безоговорочно нечувственном модусе ответвившейся, выступающей наружу реальности. Модус реальности треугольника – не проективный, а *суперъективный*, в этимологическом смысле слова: «наброшенный сверху», «выходящий за пределы», «превышающий», «избыточный». Виртуальное – это выступающее наружу измерение актуальности, посредством чего оно действительно, явственно себя превышает. Виртуальное – это избыточное измерение пребывания-в-действии, поскольку оно ввязывается в опыт поверх чувственных условий такового. Это изворотливый, дополняющий способ, каким актуальное, похоже, на деле включает в себя *больше, чем* можно объяснить с позиций чувственности: реальность абстрактного. (По)явление абстрактного места, нечувственно заполненного призрачным бытием отношения.

Время есть фактор в куда более исконном смысле, чем можно заключить из рассуждений о счете. Нам не нужно начинать считать Пакманов, чтобы конституировать то пространство проективного опыта, к которому они принадлежат. Слишком поздно – интуиция об их числе и модусе их пространственно-временного существования есть у нас еще до того, как нам хотя бы приходит в голову посчитать их или спросить себя об их статусе. Это потому что в прошлом мы уже сталкивались со многими наборами чувственных элементов, сосчитали немало элементов, активно учли немало взаиморасположений. Наша «интуиция» о том, что можно сделать с их множественностью и пространственностью-временностью, есть приобретенная нами привычка. Опыт, о котором шла речь, приходит с *потенциальной способностью* дизъюнктивно принимать их во внимание тем же способом, каким мы делали это прежде бесчисленное количество раз. Этот потенциальный опыт предъявляет себя с безотлагательностью опыта, на одной волне с этим событием виденья.

Мы уже *видим потенциальное*, не нуждаясь в том, чтобы активно проникать в его содержание, *как если бы мы уже* проделали движения, – для этого оно пришло слишком рано. *Раскрытие чувственного опыта предшествует само себе в потенции как напрямую проживаемая гипотеза* – как «как если бы», напрямую переживаемое в незамедлительности виденья, слишком рано для того, чтобы гипотетическое суждение действительно было вынесено. Вот почему в нашем объяснении был определенный круг. Мы начали с того, что отметили расстояние, разделяющее Пакманов как *данное*, тогда как, если пользоваться теоретическими понятиями, введенными нами теперь, это расстояние может выступать исключительно как *конституированное* деятельностью в пространственно-временной гуще опыта, наступающего слишком рано и слишком поздно. Круг реален: что дано, так это *рекурсивность* фактического опыта, в соответствии с чем он предшествует самому себе в потенции, уже отдавая себя для будущего.

По существу, что дано, так это толща потенциального. Потенциальное, которое дано и которым наполнено событие, это прошлая деятельность, предъявляющая себя наглядно во имя будущего. Ни будущее, ни прошлое, утолщающее для него настоящее, не чувственны. Вовлеченные чувственные элементы *обертывают нечувственное* прошлое и будущее в материальность своих ударов о тело. Они – передний фронт формирующегося события, они сводят прошлое с будущим в настоящем своих телесных ударов⁶. В самый первый миг восприятия, с первым его приливом, мы уже обнаруживаем себя, слишком рано и слишком поздно, в бытии отношения, в котором чувственная и нечувственная, материальная и нематериальная реальности, прошлое и будущее в данным момент совпадают *в действии*.

Когда мы говорим, что наличие Пакманов «чувственно», мы в действительности имеем в виду, что нечувственное измерение рекурсивности будущего и прошлого *отступает*. Оно обернуто материальным действием соударения, которое поражает в качестве переднего фронта начинающегося события. Событие в конечном счете характеризуется на втором нечувственном уровне: на уровне добавленного появления некоей абстрактной и нематериальной реальности-выступления наружу, в данном случае – даже слишком наличной формы треугольника. То, что в процессе действия отступает, обернутое самим его свершением, находится «под» (*infra*) ним. Обернутая нечувственная реальность прошлого и будущего инфрацептивна (в этимологическом смысле «захвачена внутри»). Таким образом, чувственное лежит, как в сэндвиче, между двумя виртуальностями, двумя способами, какими чувственный опыт выходит за свои пределы. Один отступает, другой выступает наружу. Один инфрацептивен, другой суперъективен. Один бьет настоящим своего появления, рекурсивно захваченного внутри; другой удваивает это воздействие на чувства, эффектно бросаясь в глаза. Один обернут, другой дополняет. Один наполнен потенциальным, другой избыточно мерцает бесстрастной стерильностью. Обе стороны виртуальности «имманентны» (активности; событию возникновения восприятия). Они сходятся в рекурсивности этого события, преодолевая свое различие: разницу между «сверх» и «под» (*infra-super difference*).

Все это подталкивает к тому, чтобы ввести еще один термин. Имеется *напряжение* между безоговорочным простым вон-там Пакманов, с одной стороны, и их появлением со всей безотлагательностью в качестве исчислимой множественности (хотя на деле не посчитанных), с другой. Имеется напря-

⁶ Ср.: Whitehead A.N. Adventures of Ideas... P. 189.

жение между дизъюнктивной множественностью элементов, исчисляемых один за другим, и неразложимостью возникающей фигуры, которая вопреки им числится как целое. Имеется напряжение между единственным и единичным. Имеется напряжение между отодвинутым на задний план воздействием чувственного соударения и невозмутимостью нечувственной выпуклости. Имеется напряжение между расширением пространства, данным «вон там», и конститутивным для него динамическим протяжением пространства-времени опыта. Имеется напряжение между инфрацепцией и дополнением.

Все эти напряжения возникают между модусами существования, предлагающими себя опыту. Напряжения появляются одновременно с контрастом между чувственным и нечувственным (Пакманы/треугольник, совмещающиеся в зрительном акте). И они рекурсивно появляются между аспектами нечувственного, которое контрастирует само с собой (инфрацептивное/суперъективное в разных временах, будущем-прошлом и настоящем). Из модусов не возникает формы. Они различаются по времени и несоизмеримы. Их несоизмеримость создает разность давлений. Давление неустойчиво. Что-то должно уступить. Уступает треугольник. Явление треугольника разрешает напряжения его собственным возникновением. И это *на самом деле* «возникновение», пусть даже в хронологическом времени мы не можем поместить появление треугольника после появления обуславливающих его элементов. Это логический порядок, а не хронологический⁷. Суперъективная фигура треугольника выступает наружу из поля напряжения, отказываясь ограничивать себя его чувственными измерениями. Изворотливый суперъект «нов» по отношению к вовлеченным чувственным элементам в том смысле, что он выходит за пределы их данности, превышает ее, неповторимым образом добавляется поверх их множественности. С точки зрения их чувственной логики, он есть дополнительное чуждое бытие (бытие такого отношения, которое относится к ним не по отдельности, но лишь постольку, поскольку они *берутся* вместе, похищаются, в новых интересах добавленного явления, «наброшенного сверху» их дизъюнктивной множественности).

Если мы спросим, в чем «причина» этого опыта, ответ будет такой: форма разности напряжений между модусами. Пусть и не имея формы, это не ничто. Давление значительно. Это поле интенсивности, в котором нечто уступает давлению. Давление, толкающее к разрешению, есть формообразующая *сила*. «Причиной» является силовое поле возникновения, разрешающееся появлением суперъекта⁸. Взаиморасположение Пакманов не становится *причиной* этого события ни в каком линейном смысле: суперъективное явление нечувственной фигуры треугольника изворотливо *стартует* с этого взаиморасположения, подобно ракете. Явление треугольника скорее набрасывает себя поверх дистанции между Пакманами, чем следует за ними по пятам. Оно вовсе не соответствует и не уподобляется им, как бы перенимая их модус существования. Оно дополняет их, мгновенно обретая собствен-

⁷ См. у Делёза о «статичном логическом генезисе» (*Deleuze G. Logic of Sense / Transl. by Mark Lester with Charles Stivale; Ed. by Constantin V. Boundas. N. Y., 1990. P. 118–126*).

⁸ Именно интенсивность поля чувственно воспринимаемой совокупности – то, что ее природа основана на отношениях, как было описано в сноске 3, – связывает уровень физической причинности с возникающими стартами, которые он обуславливает. *Интенсивность* – единственный общий множитель чувственного и нечувственного. Ее трансверсальность – то, что ею характеризуются оба измерения, – связывает их как относящиеся к одному и тому же событию. Разумеется, оба измерения характеризуются интенсивностью по-разному. Это различие указывает на напряжение, которое фиксирует их разность. Рассуждения ниже показывают, что сама эта разность является условием возникновения ценности.

ный модус как нечто единичное. В то же время Пакманы необходимы, чтобы треугольник мог появиться. Без них этого бы не произошло. Они обеспечивают благоприятствующие ему условия. Именно это и представляют собой эти чувственные элементы: не причины, а *условия*. Условия – передние фронты события, которое их превышает.

Причины подчиняют (то-что-может-произойти своему модусу, утверждая себя в форме императива). Условия – это стартовые площадки (для возникновения нового). Причины велят соответствовать их собственному модусу: они *конформны*. Можно привести классический ньютоновский пример: если движущая сила приводит к столкновению, каузальный эффект будет определять такое же, хотя и противоположенное движение, исчисляемое в тех же величинах. Условия не велят соответствовать. Они благоприятствуют старту. Движущей силой является дизъюнктивная множественность, а что уступает давлению, так это добавленное единство, которое незамедлительно начинает считаться единым целым своим особым неповторимым образом. Условия не конформны. Они есть формирующие факторы поля, дающие новому очертания. Формирование, понятое в этом смысле, т. е. как возникновение, есть обусловленный феномен поля, энергией которому служит разность напряжений. «Энергия» относится здесь не только к материи. Она относится к напряжению между чувственной реальностью, ассоциируемой нами с материальностью, и нечувственной реальностью абстрактного, которую чувственная реальность обертывает и которая столь же незамедлительно за ней следует⁹.

Есть еще один термин, который следует добавить к напряжению: *тенденция*. Прежде уже рассматривали роль приобретенной привычки в непосредственности опыта. Привычка привнесла будущее-прошлое потенциального инфрацептивно в событие опыта, словно «суждение» восприятия, возникающее на одной волне с событием. «Суждение» приходит «как если бы» – как если бы акт суждения, такой как подсчет, действительно был осуществлен при том, что знание приходит столь внезапно, что этот никак не могло произойти. Суждения восприятия не являются ни дедукциями, ни умозаключениями, они заслуживают собственной логической категории: они – «абдукции»¹⁰. В дополнение к приобретенным привычкам имеются, возможно, врожденные «привычки», в силу которых восприятие предрасположено выделять платоновские формы, такие как треугольник. Независимо от того, как и в насколько далеком прошлом приобретены привычки, они – векторы формирования: они оказывают давление к формированию в определенном направлении, к определенному итогу. Они – один из векторов формирования, дающих опыту *цель*¹¹. Разумеется, условия поля много чего на этот счет могут сказать. Если они благоприятны, следование цели увенчается «новым» возникновением в привычном русле. Какие-то условия могут сбить с цели, и она никогда не будет достигнута. А бывают и такие условия, при которых поле может разрешиться в направлении возникновения, которое будет «новым» в более сильном смысле этого слова: не очередным повторением в старом русле, но дополнительным появлением чего-то непредвиденного, чего-то, чего прежде никогда не было.

⁹ Ср.: Whitehead A.N. Adventures of Ideas... P. 182–183.

¹⁰ См.: Peirce C.S. Pragmatism as a Principle and Method of Right Thinking. The 1903 Lectures on Pragmatism. Albany (N.Y.), 1997. P. 93–94, 242–247.

¹¹ Ср.: Whitehead A.N. Process and Reality. N.Y., 1978. P. 25, 27, 69.

Это вопрос *техники*. Техническая составляющая здесь в том, как относящийся к опыту передний фронт – чувственные элементы – предрасполагается к нечувственному итогу; в том, как условия располагаются относительно друг друга. Может случиться, что это диспозициональное взаиморасположение условий примет такой вид, который мы склонны называть «естественным». Или же они могут быть «искусственными», как в случае, когда создаются условия для того, чтобы появилась «оптическая иллюзия». На самом деле, они всегда и такие, и такие. Получение оптической иллюзии в той же мере зависит от «естественных» свойств человеческого тела (его врожденных предрасположенностей), что и от искусства (например, от приобретенных предрасположенностей тела и умения расположить Пакманов). Вполне можно представить, что при определенных условиях выступающий наружу нечувственный треугольник мог бы получиться совершенно «естественным» образом. Нет никаких оснований утверждать, что какой-нибудь нечувственный треугольник не мог бы выступить наружу из дизъюнктивной множественности, встреченной в лесу, с тем же успехом, что и из листа бумаги или экрана компьютера. Все, что относится к виртуальному, – вопрос техники. Но вопрос техники не ставит границы в смысле ограниченности некой данной сферой деятельности. Не является он и категориальным в смысле принадлежности к искусственному в противоположность естественному. Техники, пригодные для возникновения нечувственного, *трансдуцируемы* в разные сферы деятельности¹², где их функционирование дает в итоге новые эффекты. Независимо от сферы деятельности, они всегда включают смешанный набор факторов, которые можно отнести к естественным и искусственным.

Если все именно так, нечувственная «искусственная составляющая» должна обнаруживаться даже в самом «естественном» опыте. Возьмем опыт глубины в повседневной жизни. Имеется дизъюнктивная множественность, встроенная в человеческое тело: наши два глаза-ответвления. Ответвление создает напряжение: бинокулярное рассогласование двух несовпадающих изображений. Напряжение неустойчиво. Что-то должно уступить. Чтобы разрешить напряжение, из разности двух изображений возникает единичное изображение. Возникает не только новое изображение сверх тех двух, что запечатлены нашими телесными органами чувств. Возникает совершенно новое качество опыта: глубина. Глубина – это возникающее свойство, которым не обладает ни одно из изображений, обуславливающих его появление. Новое, третье измерение набрасывается на бинокулярную рассогласованность. Люди, утратившие, а затем восстановившие восприятие глубины, описывают невероятное ощущение новизны, когда видишь, как предметы «выдвигаются» в мерцающе выпуклый стереоскопический рельеф¹³. Предметы нашего опыта в том виде, в каком для нас «естественно» их воспринимать, в их 3D-величии, есть оптическая «иллюзия», появляющаяся в действительности: реально абстрактное, суперъективное возникновение, обусловленное врожденной «привычкой» нашего тела формировать два ответвленных глаза.

Приобретенные предрасположенности тоже играют существенную роль. Хорошо известно, что даже при исправной работе органов зрения восприятие глубины не может выработаться, если не двигаться. Движение помечает протягивание наших рук за вещами, которые «вон там», соотнося его с нашим визуальным фиксированием их «здесь». Равным образом оно соотносит со всем этим опыт шагов, которые мы можем сделать, чтобы добраться до них.

¹² См.: *Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information.* Grenoble, 2005.

¹³ Cp.: *Sacks O. Stereo Sue. The Mind's Eye.* N.Y., 2011. P. 130.

Мы видим так, «как если бы» мы двигались. Видеть предмет в трех измерениях значит видеть движение, которого на самом деле не произошло. Мы видим «как если бы» движения. Другими словами, мы видим потенциальное протяжение нашего опыта со всей незамедлительностью события виденья. Мы видим протяжение нашего телесного потенциала в выступающей наружу форме данного предмета. Разность напряжений между виденьем, осязанием и проприоцепцией¹⁴ (дизъюнктивная множественность наших разделенных чувственных каналов) разрешается суперъективным единством предмета¹⁵. Такова тенденция нашего восприятия: стремиться добавлять в нашу жизнь новые предметы.

Естественные предметы нашего восприятия суть виртуальные явления¹⁶. Их возникновение обусловлено совместным функционированием отдельных чувств, а также врожденных и приобретенных предрасположенностей, наводящих прицел. Телесный механизм по созданию бинокулярной рассогласованности, – это лишь ближайший из обуславливающих факторов (он прямо у нас перед носом). Другие техники, участвующие в появлении предметов, могут быть художественными, ремесленными или технологическими. Когда нововведения в искусстве, ремесле или технике обогащают наши «естественные» таланты восприятия предметов, чтобы получить в опыте новые, невиданные прежде эффекты, они не «расширяют» наши тела за пределы естественных условий в область искусственного (теория «протезов», унаследованная от Маршалла Маклюэна). Наш опыт есть протяжение самого себя. Он сам себе протез. Что делают искусство и технология, так это расширяют существующую у тела систему естественных и приобретенных *устройств*, уже давно активно выполняющую задачу производства «виртуальной реальности» в наших повседневных жизнях. Жизнь тела искусна по природе.

В возникновении 3D-виденья имеется странность, которая служит еще одним важным уроком того, как нам понимать понятие виртуального. Если бы мы *на самом деле* видели два изображения обоих наших ответвленных глаз, никакого стереоскопического виденья не было бы. Рассогласованность изображений помешала бы возникновению разрешающего изображения. В своей множественности они сговорились бы против его единства, соревнуясь с ним. Мы снова в плоскости как-если-бы: дело обстоит так, *как если бы* изображения были получены, тогда как этого не могло быть. Возникновение 3D-виденья не просто разрешает рассогласованность отдельных изображений. Оно делает все так, как если бы их никогда и не было. Оно выдвигает собственное возникновение вместо них. Оно делает их месторасположение собственной территорией, набрасывая себя поверх обуславливающей их разности. Новое восприятие глубины *виртуализирует* образы, которые ему содействуют. Они рекурсивно детерминируются возникновением нового изображения, которого на самом деле никогда не было.

Но в то же время рассогласованные образы не могли не возникнуть и не стать помехой, ведь они – условия, требуемые для опыта, который случился-таки на деле. Если изображения не могли не быть получены, однако же и правда не были, остается только один вариант – они были получены

¹⁴ Проприоцепция – чувство положения частей собственного тела относительно друг друга. – *Примеч. пер.*

¹⁵ Интерпретацию стереоскопического зрения, подобную интерпретации, предложенной в этом рассмотрении (в духе интегративного возникновения, разрешающего конститутивное напряжение поля разностей), см. в : *Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information.* P. 208–209, 223–224).

¹⁶ *Noë A. Action in Perception.* Cambridge (MA), 2004.

виртуально. Своим потенциальным вмешательством они поспособствовали 3D-изображению¹⁷. Возникновение 3D-изображения разрешило *потенциальный* конфликт собственным фактическим появлением. Вмешательство двух изображений, которые поспособствовали трехмерному результату, хотя и не были получены, фигурирует как *виртуальное событие*.

Странность в том, что события, которые фактически не происходят, могут быть условиями того, что сбывается на самом деле. Если перевести этот пример обратно на язык различия между чувственным и нечувственным, в этом случае чувственные элементы (изображения, соответствующие рассогласованным физическим ударам лучей света о две сетчатки) суперъективным опытом преобразуются в виртуальные. Они, по сути дела, становятся нечувственными. Они *инфрацептируются*. Это случается рекурсивно. Суперъективное появление чего-то задним числом превращает такое преобразование в императив, требующий изменения своих же собственных условий. (В качестве отступления заметим, что это могло бы стать основой для суперъективной теории *воли*: фактическое разрешение без отделения субъекта от его выступающего наружу действия, проявляющееся как суперъект; воля как появляющаяся в действительности «оптическая иллюзия» абстрактного действия; если использовать выработанные здесь понятия, это равносильно формирующему развертыванию воли *в поле*¹⁸.)

Любая теория виртуального должна, помимо прочего, иметь в виду *становление чувственного нечувственным*, т. е. инфрацепцию чувственных элементов. Реальность виртуального охватывает не только потенциальное протяжение и суперъективное разрешение наших жизней. Факторы, формирующие эту реальность, варьируются широчайшим и даже жесточайшим образом. Не существует окончательного описания их роли, такого, которое можно было бы применять универсально. Они мобилизуются вновь и вновь, непрерывно изменяясь. Их роль существенно варьируется, особенно по мере

¹⁷ Другими словами, ответвленные «изображения» внесли свою *разность* – свою рассогласованность – как потенциал. Это пример того, почему обсуждаемое ниже переплетение чувственного и нечувственного необходимо для теории восприятия. Это переплетение можно перенести на тот уровень чувственного восприятия, который предшествует восприятию глазами как целым. Сетчатка, составленная из разобщенной множественности колбочек и палочек, пронизана собственными рассогласованностями. Именно бесконечные бреши и лакуны в перцептивном аппарате подтолкнули ученого-когнитивиста Алью Нё (*Noë A. Action in Perception, 2004*) к тому, **чтобы утверждать, что в действительности все, что видит зрение, виртуально**. См. также: *Massumi B. Semblance and Event... P. 94–97. О порождающей силе чистых дифференциалов см.: Deleuze G. Difference and Repetition... P. 170–182.*

¹⁸ Для этого требуется тщательно переосмыслить, чем конституируется субъект опыта. По знаменитому утверждению Ницше, нет действующего [субъекта] отдельно от действия (*Nietzsche F. On the Genealogy of Morals / Transl. by Walter Kaufmann and R.J.Hollingdale. N.Y., 1967. P. 45*). Есть мультимодальное развертывание (*fielding*) деятельности, кульминацией которого становится появление суперъекта. Сектор поля этого развертывания, разрешающийся в суперъект, и есть субъект опыта (*Whitehead A.N. Process and Reality... P. 27–28, 166*). В примере с треугольником в конечном счете треугольник и есть субъект опыта. «Мы», приходящие заявить о своих правах на него, – т. е. наши тела, органы чувств, привычки, наша наследственность, наклонности – есть множественно-дизъюнктивный набор формообразующих элементов в разности напряжений, чья роль не слишком существенно отличается от роли Пакманов. Языковые конвенции таковы, что трудно говорить так, чтобы не замаять этот факт: «Мы» – это суперъективная перспектива кульминации события, рекурсивно набрасывающая себя обратно на острие своего начала, притязая, что именно благодаря ней событие и произошло. Сказать «я» – большая натяжка, чем обычно признают. Чувство самости есть возникающий нечувственный эффект, и его воспроизведение в ходе опыта есть возобновляющееся достижение, предполагающее искусность и изощренные навыки. Только потому, что мы привыкли говорить «я», нам кажется, что это естественно.

того, как техники возникновения виртуальных реальностей трансдуцируются из одного поля в другое. Они, эти факторы, не просто могут варьироваться. Как видно на примере становления нечувственным, они могут претерпевать *превращение*, изменяя саму свою природу, как если бы речь шла о некой алхимии опыта. Это означает, что объяснение виртуального и роль, которую оно само по себе играет, надо постоянно пересматривать для каждого конкретного примера. Виртуальное целиком завязано на творчестве: на потенциальном и возникновении нового. Его понятийное истолкование не может не быть столь же творческим, пусть из-за этого оно и не может быть адекватным постоянно меняющейся реальности искусного в природе (и природе самого искусственного).

В ходе этого рассмотрения мы «видели» возникновение виртуальных *фигур*, чьим примером усердно служил теперь уже изрядно замученный треугольник. Мы показали, более кратко, но и на более выразительном примере, что и сами предметы – такие же возникающие виртуальные формы¹⁹. Мы также видели, что имеются виртуальные *события*, от которых зависит восприятие (никакого отношения к киберпространственному понятию смоделированных событий; или, вернее, отношение есть, но такое, что по настоящему его можно понять, только если на примерах переосмыслить искусственное и абстракцию с точки зрения нечувственной реальности и ее чувственных условий).

Наконец, чтобы отдать должное всему спектру виртуальной реальности, надо упомянуть еще одну форму виртуальности: *ценность*. Ползущий младенец, чья предрасположенность продолжать существование пока еще плохо отточена, словно червячок, приближается к обрыву²⁰. Его недостаточное восприятие глубины, отсутствие у него способности «судить» со всей безотлагательностью, на одной волне с восприятием, когда гипотетический исход зависит от локомоторного опыта, – все вместе ставит его жизнь под угрозу. Еще не искушенный в перцептивных суждения о «как если бы», он оказывается не в состоянии засечь «что если» своего ползка. Другое дело отвлекшийся родитель. Только лишь родитель снова обратил внимание на ребенка, как уже пустился в действия, ни на миг не остановившись для раздумий, слишком быстро, чтобы даже определить размер опасности. «Что если» пришло незамедлительно, в один миг, и было напрямую трансдуцировано в действие. Родитель «увидел» не просто ползущего ребенка. Он/а увидел/а набор разностей: гравитационную разность между краем и подножием обрыва, согласующуюся с экзистенциальной разностью между жизнью и смертью. Способ взаимного наложения этих разностей породил неустойчивое напряжение, которое разрешилось немедленным действием.

Здесь относимый к опыту эффект выступления наружу представляет собой не фигуру и не предмет, хотя они тоже появились (передвижение ребенка воспринимается нечувственно, в качестве абстрактной линии²¹ будущности-прошлости; поле населяют 3D-предметы всех сортов). Эффект перехода к действию может быть обусловлен виртуальными событиями (включая обычные проделки наших двух не всегда достаточно бдительных глаз), но все они отодвинулись на задний план. Что неповторимым образом бросилось в глаза,

¹⁹ См.: *Massumi B. Semblance and Event...* P. 6, 41–43.

²⁰ Должен заметить, что не я придумал этот садистский пример (только червячка). Он взят у Рейнольда Райера: *Ruyer R. Le relief axiologique et le sentiment de profondeur // Revue de métaphysique et de la morale. 1956. № (3–4). P. 242–258.*

²¹ См.: *Massumi B. Semblance and Event...* P. 17, 106.

наброшенное поверх множественности образных, объективных и событийных факторов, обозначая, что же это, собственно, за опыт, так это *ценность*. Ценность жизни. Экзистенциальная ценность. В мгновение формирующегося опыта родитель увидел не что иное, как ценность жизни: ценность продолжения существования его ребенка. Это максимально абстрактная виртуальная реальность. «Вон там» нет ничего, чему она бы соответствовала. Великому «там» предельно безразлично, одним ребенком больше или меньше. Этот единичный опыт ценности существования возникает исключительно из поля напряжений родительской любви и желаний, протягивающих свой спасательный потенциал к незрячему моторному передвижению ребенка, принимая в это протяжение заряжающую энергией движущую силу разности между верхом и низом, жизнью и смертью. Экзистенциальная ценность есть виртуально осуществляемая добавленная ценность: прибавочная ценность восприятия (это же касается фигур и предметов, их собственным, виртуальным образом). Она есть появляющаяся в действительности, абстрактно реальная прибавка опыта и прибавка к опыту. В отличие от виртуальной фигуры треугольника и виртуальных форм предметов, ценность невидима. Она по природе недоступна восприятию²². И тем не менее ее добавление, как и они, *по-настоящему меняет дело*. Это то, что превращает безразличие мира в озабоченность этим событием. Составные элементы события, независимо от его природы, целиком и полностью связаны друг с другом в форме возникающей заботы (т. е. отношения). Обуславливающие разности и дизъюнктивные множественности вовлечены в эту ценностную интеграцию (почти так же, как наши Пакманы установили отношения между собой в фигуре треугольника, которая в качестве отношения принимается во внимание как единое целое и тем самым преодолевает их разделенность как исчисляемых один за другим). Ценность – это предельный способ, каким реальный мир включает то, что превосходит простое-вон-там дизъюнктивной множественности его элементов.

Виртуальная реальность добавленной ценности немедленно удваивается маршрутом действия. Восприятие ценности и маршрут действия находятся в наиболее тесной событийной связке, но осуществляются параллельными путями. Восприятие ценности нечувственно и бесстрастно в том смысле, что оно фигурирует как нечто такое, что не изменится и не может измениться, если ему действительно предстоит быть тем, что оно есть (ценность однажды – ценность навсегда). Восприятие ценности неразложимо. Отныне и навек это экзистенциальная ценность, обертывающая любовь и желание. Его неразложимое раз-и-навсегда не делает его простым. Оно неповторимо, однако обусловлено сложным, комплексным образом: оно не простое, а *симплексное*²³. Другой путь, каузальный маршрут действия, тоже сложен, но в другом отношении. Он чувственен, нагружен физическим и разложим на отдельные

²² По-настоящему невоспринимаемо-абстрактное – самый важный модус реальности. Все виртуальности, которые проявляются, как бы зрительно или в иных модусах чувственности, будь то фигуры, предметы или события (те, которые не рецессивны, а воспринимаются нами по нашим собственным ощущениям напрямую), захвачены *отношением* (как в случае с виртуальными фигурами треугольников и других предметов). Отношение по природе невоспринимаемо. Это предельный по-настоящему абстрактный модус реальности. Он инфрацептивно присутствует во всем опыте. Ценность – это невоспринимаемое отношение с рельефным элементом заботы, отмеченной выпуклой эмоциональной тональностью, которая делает себя тем, в чем суть ситуации.

²³ В радиоэлектронике симплексной называется такая схема связи, при которой информация может быть передана только в одном направлении. – *Примеч. пер.*

этапы: он *составной*, с акцентом на базовой для этого слова коннотации с дизъюнктивной множественностью («составленный из различных частей»). В более насыщенных примерах, где виртуальные фигуры, объекты и события появляются совместно, ситуация всегда отмечена этой двойственностью обуславливания и причинности (обусловленного нечувственного возникновения и конформной физической/чувственной причинности). Чувственное и нечувственное, симплексное и комплексное, актуальное и его различные способы себя превышать с их прибавочными ценностями всегда сцепляются и переплетаются друг с другом самым тесным образом²⁴. Даже бег к краю пропасти свершается в своем выступании наружу: как динамическое единство стремительного броска сквозь череду шагов он заполняет расстояние между ними, преодолевая их разделенность.

Реальность такова: виртуальные формы (фигуры, предметы), события и ценности *всегда* появляются совместно. Жизнь приходит в виде ситуаций, а ситуации комплексны – а значит, и симплексны. Разные виды виртуальности всегда появляются вместе как часть *виртуальной экологии* чувственных и нечувственных связей и переплетений²⁵.

Суть этого последнего примера, с которым наше рассмотрение подползает к завершению, в том, что нельзя должным образом описать *аксиологическое измерение* нашего непосредственного опыта – его ценностное измерение, – не обратившись к теории виртуального. В самом общем виде, как напоминает Феликс Гваттари, значение виртуального заключается в конечном счете в «ценностных вселенных», которые по природе «бестелесны» (реальны в нечувственном плане). В этом аксиологическом измерении, в связи с ценностными вселенными, теория виртуального прямо имеет *этический* вид: она непосредственно относится к направлениям действия, имеющим динамическое значение в жизни. Что делает действие этическим, так это удвоение его каузальной силы виртуальным превращением в реальную озабоченность событием. Превращение происходит параллельно действию, в другом модусе бытия, по сути, по другой дорожке. Оно обусловлено неповторимым образом и творится как симплексность непосредственного опыта, охватывающего в виде дополнения-итога соединение разных причин. К чему мы приходим, так это к ситуационной этике – определенной по-новому как аксиологическая алхимия виртуального.

Перевод с английского Даниила Аронсона

²⁴ Ср.: *Deleuze G.* The Actual and the Virtual. Translated by Eliot // *Dialogues II*, Gilles Deleuze and Claire Parnet, 148–152. N.Y., 2002; *Massumi B.* Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Durham, 2002. P. 133–143.

²⁵ См.: *Guattari F.* Chaosmosis: An Ethico-Aesthetic Paradigm... P. 88–97, 109–110, также см.: *Guattari F.* Cartographies schizoanalytiques. Paris, 1989.